

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

В 1692 году в городе Салем по показаниям некой Энни Патнам были казнены двадцать два человека по обвинению в колдовстве и черной магии. Ко мне постоянно пристают с вопросом, нет ли в моей сказке о событиях 1992 года связи с случаем в Салеме ровно триста лет назад? Может быть, есть какая-то связь, хотя трудно себе представить, что общего между научными дискуссиями наивысших наших академических кругов и делом о колдовстве в среде суеверных простолюдинов семнадцатого века. Хотя не знаю — связь, может быть, найдется. Если найдется, надеюсь, что первопроходец, открывший эту тайну, обнарудует ее на благо общества, или же по крайней мере сдаст в бюро находок.

Читатели часто обращаются ко мне с наивными вопросами типа: «А декан, которого заменял Воланд во время своего пребывания в Скотопригоньевске, — это случайно не тот, который уехал в Германию, чтобы помирать поближе к бункеру фюрера?» Из лиц, сыгравших роль в этой истории, кое-кого уж нет, а те далече. Не стану составлять ключ к каждому эпизоду, но могу заверить, что все персонажи в этой сказке — реальные лица, а все имена остаются точно такими, какими они были в действительности. К примеру, я бы мог изменить хотя бы свое собственное имя, но оставил точно таким, как оно произносится за пределами этой книги.

А что касается слов благодарности, какие принято в предисловиях выражать, в первую очередь я должен благодарить буквально всех лиц, принявших участие в приключениях, описываемых в моем произведении. Без них-то это произведение не могло бы состояться. Они дали ему право на существование. Кроме того, я бы хотел выразить свою благодарность новорожденному сыночку, который ни хрена не понимал в академических распрях, но зато здорово хихикал и пузырьки пускал, подбадривая меня в писательском труде.

Гаврик Хорев

Мастер и Мармеладов

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Никогда не разговаривайте с неизвестными

Все жители Скотопригоньевска с большим почтением относятся к нашему колледжу. В конце концов, не так легко построить бастион просвещения среди тропических болот. Ты возводишь башню и не успеешь дух перевести, как она исчезает в трясине. Ты строишь снова, и болото вновь поглощает ее. Ты строишь в третий раз и думаешь, что уж теперь-то ты поборол силы тьмы и знамя просвещения взойдет к небу, но в мгновение ока непроходимые джунгли поглощают башню, и сама память о ней предается забвению.

Через Скотопригоньевск проходит дорога к парку развлечений под названием «Волшебное Королевство», а потому мало кто останавливается в нашем городке, спеша к воротам этой страны чудес. Это одна из причин, по которой профессор Мармеладов и развернувшиеся вокруг него драматические события малоизвестны за пределами Скотопригоньевска. Даже местные жители не знают всех подробностей этой истории. По большей части мы наслаждаемся прохладой в тени Башни и редко отваживаемся зайти внутрь ее толстых каменных стен. Много в этой истории стало мне известно от профессора И. Ти. Пуха, который преподает в нашем колледже русский язык (мне приходилось частенько печатать кое-какие бумаги для него). И. Ти. до сих пор читает там лекции и взял с меня слово, что я не раскрою названия этого учебного заведения, которое к тому же недавно предложило ему солидную прибавку к зарплате. Пух очень робкий по натуре человек и, опасаясь, как бы кто не услышал, даже в наших разговорах вдвоем называет наш колледж не иначе как Волшебное Королевство. По привычке, а также

из уважения к И. Ти. и жителям Скотопригоньевска, которые с большим почтением относятся к колледжу, я тоже буду называть его так, хотя «Волшебное Королевство», строго говоря, находится значительно дальше по шоссе.

Наша история началась в полуденный час небывало жаркого для ранней осени дня, когда на отделении современных языков должна была решиться судьба профессора Мармеладова. К этому дню прошло уже никак не менее трех лет с тех пор, как в начале августа старый автомобиль Юрия Ильича на буксире вкатился в Скотопригоньевск. По капризу судьбы появление Юрия Ильича Мармеладова как раз совпало с поисками нового преподавателя русского языка, поскольку прежний внезапно уехал всего за две недели до начала занятий. Как обычно в таких ситуациях, требующих безотлагательного решения, бремя поисков возлегло на секретаря отделения, Зою Зингер. В ее обязанности входило печатать все необходимые письма и извещения, а также усердно работать языком — облизывать и запечатывать конверты и обзванивать друзей и коллег заведующего отделением и его жены, справляясь, нет ли у них знакомого профессора-русиста, который хотел бы работать в Волшебном Королевстве за 18 тысяч долларов в год. Зоя, без сомнения, подумала, что сама рука Провидения направила пожилого эмигранта из Ленинграда в приемную отделения современных языков в поисках русских газет, пока пройдоха-механик делал вид, что меняет в его «меркури» вполне исправный генератор.

Внимательный и любопытный читатель, возможно, заинтересуется, почему преподавателю со званием доктора наук была предложена столь скромная зарплата. Тут можно сослаться на давние традиции Башни, где новому члену преподавательского коллектива предлагалась скромная зарплата с расчетом, что он и вести себя будет соответственно — скромно и незаметно. Всем известно, сколь велика разница между правилами писаными и неписаными. Причем неписанные правила не могут в один прекрасный день обратиться в писанные — это нанесло бы страшнейший удар по самому основанию заведения. Если бы вдруг неписанные правила были высечены на камне при въезде в Башню, или кто-то просто шепнул

профессору Мармеладову на ушко, как обстоят дела, то события, о которых рассказывается в этой книге, возможно, никогда бы не произошли.

К несчастью для профессора Мармеладова, никто не предупредил его о нависшей опасности. А даже если бы и предупредили, то еще неизвестно, смог ли бы Юрий Ильич вести себя соответственно — скромно и незаметно. Скромность и овечья покорность были совсем не в его характере, особенно после некоторого количества спиртного. Если бы его обо всем предупредили, возможно, он снова загрузил бы свой старенький автомобиль и уехал из города. Кто знает?..

Но все сложилось, как сложилось, и наша история началась в небывало жаркий полуденный час на песчаном берегу Кабаньей речки, где ива низко клонится над водой и Башня высится в отдалении. Все жители Скотопригоньевска знают это местечко. Там стоит железная скамейка, счастливый дар Греты Фауст — богатой старой девы, которая искала бессмертия, оставляя по себе подобные надписанные дары из камня и чугуна, но подошла ближе к своей цели, когда была обезглавлена шальным аллигатором во время одной из ночных прогулок как раз около того самого места, где ива низко клонится над водой. Как раз у этой самой скамейки И. Ти. и встретился с Уилбуром Колдбурном, деканом гуманитарного факультета, всего лишь за час до начала совещания, на котором должна была решиться судьба Мармеладова.

Только из ряда вон выходящее событие могло подвигнуть И. Ти. на разговор с деканом Колдбурном. Превыше всего на свете И. Ти. ценил свой покой и одиночество, а потому старательно избегал общения со своими коллегами и администрацией, видя в них угрозу деликатному балансу своего кресла-качалки. С большой неохотой и внутренним трепетом поджидал он декана, который в это время преспокойно шел по извилистой тропинке к Кабаньей речке, где он так любил обедать.

На И. Ти., как обычно, были мягкий синий пиджак и слегка запачканные черные брюки, поддернутые так высоко, что становились видны безупречно отглаженные носки. В то время как И. Ти. прятался

в тени большого дуба, раздираемый сомнениями, и нервно потирал свои потные ручки, декан Колдбурн сидел на известной нам скамейке и ел бутерброд с ветчиной. И. Ти. успел раз семь передумать, прежде чем принял окончательное и бесповоротное решение поговорить с деканом. Поводов для сомнений было предостаточно. Во-первых, стоять в такую жару в тени развесистого дуба приятно. День был на редкость душный. По небу проплывали редкие облака — предвестники послеобеденной грозы. Да и почему вообще он должен заступаться за Мармеладова? Он ничем Мармеладову не обязан. Да пусть все идет по своему вековечному пути! Ну хочет заведующий отделением сократить Мармеладова. Пускай! С чего он решил, что у него получится переубедить декана? Едва ли.

Helmut Hörnerträger, заведующий отделением современных языков, быстро понял, что манипулировать Мармеладовым невозможно. Упрямый старый эмигрант был человеком непредсказуемым и неуправляемым. Мармеладов всегда сетовал, что американские студенты ленивы и недостаточно старательны. Он был требовательным педагогом, что не способствовало популярности его курсов и росту числа студентов на отделении, а именно это Hörnerträger ценил превыше всего.

Уже более двух лет Hörnerträger со всех фронтов атаковал Мармеладова в своих ежегодных отчетах начальству. К тому же он формировал негативное отношение к русскому профессору среди коллег, отзываясь о нем в частных разговорах как о неприятном чудаке. Шансы убедить декана оставить Мармеладова были невелики, особенно если учесть, что Мармеладов не завел дружбы с коллегами; они считали его чем-то вроде экспоната этнографического музея.

В конце концов И. Ти. все же вышел из тени и, нервно теребя края своей панамы, подошел к Колдбурну. Тот как раз разворачивал второй бутерброд с ветчиной.

— Сэр, могу ли я поговорить с вами? — начал И. Ти. застенчиво.

Колдбурн посмотрел на часы.

— Вообще-то, я должен вернуться в офис, но у меня есть еще несколько минут. Присаживайтесь.

И. Ти. грузно опустился на скамейку рядом со статным деканом, одетым в полосатый костюм-тройку, что делало его похожим не то на менеджера с Уолл-стрит, не то на коммивояжера. Откусывая бутерброд, Колдбурн сказал:

— Я видел вас там, за деревом. Все удивлялся: зачем же вы там стоите?

— Я не хотел прерывать вашу трапезу.

— Хотите немного соку? Абрикосового.

— Спасибо, я только что позавтракал. Доктор Колдбурн, я бы хотел поговорить с вами о Мармеладове.

— О Мармеладове? Ах да, тот тип, который делает возмутительные заявления.

— На этой неделе мы голосуем по поводу его дальнейшей работы в должности преподавателя в нашем колледже.

— Да-да, демократия в действии. Демократический процесс. Я верю в него. А вы?

— Конечно, сэр. Я только хотел просить вас проследить, чтобы все было как положено. Я боюсь, что голосование может быть несправедливым.

Колдбурн поперхнулся соком и ответил:

— Я социолог, а не литературовед, конечно, но — между нами — он в своем уме? Насколько я понимаю, он заявляет, что сделал величайшее открытие в мировой истории.

— В истории достоевеведения.

— Ах, в истории достоевеведения! Ну, и сколько же лет изучают этого Достоевского? Десять?

Внезапно со стороны речки донесся чей-то голос:

— Если быть более точным, около ста, друг мой.

Удивленные И. Ти. и Колдбурн повернулись на голос — туда, где ива низко клонится над водой. Они увидели человека в дорогом сером костюме и высоких болотных сапогах, появившегося из-за сонливых ветвей ивы. Серый берет, украшенный большой блесной, он лихо заломил на ухо, в руках у него был огромных размеров тонко сплетенный сачок. Подойдя ближе, незнакомец продолжил:

— Извините, господа, что вмешиваюсь, но когда предметом беседы является великий мастер русской литературы, я не могу оставаться в стороне.

«Не из нашего колледжа, должно быть», — подумал И. Ти.

Неизвестный ступил на песчаный берег. По виду ему было лет сорок с лишним. Рот какой-то кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый глаз почему-то зеленый. Брови черные, одна выше другой.

— Речь о недавнем открытии? — продолжал неизвестный. — Приятно слышать, что наука движется вперед, а не топчется на месте. И в чем же заключается это открытие?

— Ну, И. Ти., — спросил Колдбурн с сомнением в голосе, — что открыл ваш Мармеладов? Порох? Громоотвод?

— Да, в своем роде, — ответил И. Ти., все еще теребя края своей панамы. — Он открыл важный мотив, повторяющийся по меньшей мере в дюжине произведений Достоевского. Абсолютно никем не замеченный ранее. Этот мотив связан с фигурой Ильи-пророка.

— Да что вы говорите! — поразился незнакомец. Он подошел ближе и воткнул сачок в песок дорожки. — Так-так. Это очень интересно. В Древней Руси Илья-пророк почитался как громовержец и подаятель дождя.

— Совершенно верно, — подтвердил И. Ти. — Русские верили, что гром грохочет потому, что это Илья-пророк на своей колеснице едет по небу и мечет молнии, чтобы напомнить людям об их грехах и грядущем Судном дне.

— Вы не верите в открытие Мармеладова? — спросил незнакомец, поворачиваясь к Колдбурну.

Колдбурн хмыкнул:

— Видите ли, мне представляется, что это все еще весьма сыро. — Он принялся складывать недоеденный бутерброд в бумажный пакет, собираясь уходить. — А чем вы занимаетесь, позвольте спросить?

— Светляками.

— А, вы зоолог. Тогда вам должно быть кое-что известно о научных методах. Крылья нашего воображения мчат нас куда быстрее,

чем поворачивается колесо науки. Разве открытие Мармеладова принято научной общественностью? Разве он публикуется в научной прессе? Тогда о чем мы говорим? — спросил он, поворачиваясь к И. Ти.

И. Ти. только развел пухлыми ручками в ответ. После непродолжительного молчания он попытался возвести шаткую защиту:

— Все мы порой слишком увлекаемся. Но Юрий Ильич — серьезный ученый, преданный науке...

— С чересчур бурным воображением и наполеоновским комплексом. Его заявления несколько рискованны. По крайней мере, для нашего заведения, — резко прервал Колдбурн.

Незнакомец сощурился, пытливо глядя на декана.

— Сэр, я бы на вашем месте был более осторожен, вынося суждения о работе своих коллег. Идея об Илье-пророке может оказать куда более значительной, чем вы думаете.

— Да, только вы не на моем месте, — сухо ответил Колдбурн.

Слова декана более или менее подтвердили подозрения И. Ти. Он догадывался, что Hörnerträger и декан уже решили, как поступить с Мармеладовым, и голосование будет пустой формальностью.

Незнакомец возразил Колдбурну:

— Мистер Колдбурн, на должность, которую вы занимаете, вас поставили люди. Но никто никогда не гарантирован от вмешательства высших сил. Кто знает, когда прервется ваша нить? Кто может поручиться, что я не окажусь на вашем месте через неделю, год или даже завтра?

Ошарашенный тем, что незнакомец обратился к нему по имени, Колдбурн повернулся к И. Ти.

— Это что, розыгрыш? Что, черт возьми, происходит?

И. Ти. успел пробормотать только что-то вроде «гмм, я...», и тут у него вывалилась вставная челюсть.

— Вы работаете в нашем колледже? — обратился Колдбурн к незнакомцу.

— Нет, я просто провожу здесь одно исследование. Я внештатный сотрудник. Консультант. Меня зовут Воланд, — сказал незнакомец, протягивая руку.

При этих словах рот И. Ти. сам собой распахнулся. Он попытался что-то сказать, но поскольку еще не успел поставить челюсть на место, то у него вышло только что-то вроде «о-е-о».

Пожимая руку декана, Воланд продолжал:

— Доктор Колдбурн, вы действительно должны как следует подумать, прежде чем решить вопрос с Мармеладовым. Последствия могут быть самыми ужасными.

— Полагаю, меня ударит молнией?

— Возможно, даже хуже, — серьезно ответил незнакомец, все еще сжимая руку декана.

— Ну что ж, придется рискнуть. Да что же происходит? Пустите руку! — протестующе воскликнул декан, освобождаясь от железного пожатия Воланда, и, взглянув на часы, поднялся, чтобы уходить.

— И. Ти., у вас ширинка расстегнута, — сказал он, направляясь к Башне. Это было последнее, что он успел сказать.

И. Ти., занятый ширинкой, разглядеть которую мешал выпирающий живот, не видел, как сачок незнакомца взметнулся вверх. Он только услышал, как треснули небеса, а потом раздался оглушительный грохот. Оставшиеся волосы на его голове встали дыбом. Он ощутил сильный жар на лысине и покалывание, которое волной прошло по всему телу. Колени его подогнулись, он закрыл голову руками и рухнул на землю. Падая, он успел заметить на песке тень Колдбурна, накрытого гигантской тенью сачка. Он ясно видел, как декан сжал пальцы, словно цеплялся за край утеса над темной бездной.

И. Ти. не видел, как сачок вспыхнул, словно нить накаливания в лампе, через которую пропустили семьсот тысяч вольт. Не видел он и снопов голубых искр, и пламени, которое обрушилось на декана, когда он в судорогах упал на песок. Но он слышал, как небеса над ним треснули еще раз, а потом снова раздался оглушительный грохот. И. Ти. спрятал лицо в песок. Несколько редких капель упали рядом с ним. Все стихло, кроме гомона потревоженных птиц в деревьях.

Когда И. Ти. поднял голову, незнакомец, который представился Воландом, уже исчез. В воздухе явно ощущался какой-то металлический привкус. Колдбурн лежал на песке без движения. Его серый костюм

был изорван и обуглен, особенно на плече, где кровоточащая плоть все еще дымилась. Дымок поднимался и от распухших и посиневших, медленно смыкавшихся губ декана. Рядом валялся надкусанный бутерброд с ветчиной.

И. Ти. хотел только одного — бежать от этого страшного места так быстро, как только ноги могли унести его. А ноги его и при более благоприятных обстоятельствах были не особенно проворны, а теперь и вовсе так тряслись, что он едва смог встать. И все же И. Ти. пустился бежать изо всех сил, часто останавливаясь, чтобы перевести дух и утереть пот. Наконец он выбежал из-за деревьев на широкое пространство Университетского бульвара, который городской совет Скотопригоньевска постановил замостить, как только разберут на кирпичи старый кирпичный завод. И. Ти. удвоил усилия, но скоро совсем выдохся и снова остановился, чтобы утереть пот, струящийся по лицу. Тут он увидел Китти Келли, которая катила на своем новеньком розовом велосипеде (фирмы Schwinn) на занятия. И. Ти. помахал ей мятым носовым платком на манер флажка, но юная славная Китти Келли, видимо, не заметила ни его, ни платка. Тогда он шагнул на дорогу перед ней и окликнул ее. Одна на пустынной дороге, она страшно испугалась, закричала и резко вильнула влево, едва не упав вместе с велосипедом. Однако не упала, а напротив того, быстро-быстро покатила дальше, оглядываясь на своего преследователя и истерически крича. И. Ти. прибавил ходу и замахал руками, пытаясь показать девушке, что ей нечего бояться. Однако его легкие не выдержали такой гонки — он перешел на шаг, а потом и вовсе остановился. Отчаянный крик юной Китти затихал вдали.

К тому времени, как он доплелся до полянки, где маячила вдали Башня, его уже поджидали две полицейские машины с включенными мигалками. Двое полицейских в темных очках пристально смотрели в его сторону, куда и показывала пальцем Китти. Рядом с ней стояли еще две девушки — Мерси Люис и Энни Патнам, каждая со своим велосипедом.

«Ублюдки! Могли бы меня хотя бы подвезти!» — подумал И. Ти.

Совершенно выбившийся из сил и мокрый от пота преследователь добрался до полицейских машин и в полном изнеможении

присел на багажник одной из них. Он сидел, часто и тяжело дыша, а его недавняя добыча, тыча пальцем, эмоционально подтверждала, что он — это он, гнусный преследователь молоденьких девушек.

— Вы пытались заговорить с барышней? — спросил один из офицеров, делая шаг в сторону И. Ти.

— Позвоните 911, — выдохнул И. Ти. в ответ. Как раз в этот момент прозвенел звонок, и студенты повалили из Башни.

— Отвечайте на вопрос! — оборвал его офицер. — Вы преследовали эту девушку?

— Мне повезло... что я остался жив. Меня чуть не убили... — отвечал И. Ти., чуть дыша.

— Хватит морочить голову! Слышали мы эту чепуху про «тяжелое детство» преступников миллион раз!

— Да нет, послушайте... Там был Воланд... хотите верьте, хотите нет: он убил Колдбурна... У меня ширинка была расстегнута... это его последние слова... Это была ловушка, — сбивчиво объяснял И. Ти.

— Засада, вы хотите сказать? Ширинка у вас и сейчас расстегнута. Хорошо, вы поедете с нами. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде. Вы имеете право хранить молчание...

— Но я не хочу хранить молчание! Колдбурна ударило молнией дважды. Мы должны ему помочь!

И. Ти. в наручниках сидел в полицейской машине. Вокруг толпились любопытствующие студенты. И. Ти. закрыл лицо руками, но, глядя сквозь пальцы, понял, что уже поздно прятаться: многие узнали его. Пока полицейские переговаривались по рации со штабом, один из студентов улучил возможность просунуть И. Ти. в машину торопливо нацарапанное сочинение, извиняясь, что не сдал его вовремя. Это сочинение сильно осложнило дело в полиции, поскольку начиналось словами:

«Господа, все мы жестоки, все мы изверги, все плакать заставляем людей, матерей и грудных детей, но из всех — пусть уж так будет решено теперь — из всех я самый подлый гад! Пусть! Каждый день своей жизни я, бия себя в грудь, обещал исправиться и каждый день творил все те же пакости. Понимаю теперь, что на таких как

я нужен удар, удар судьбы, чтоб захватить его как в аркан и скрутить внешнею силою. Никогда, никогда не поднялся бы я сам собой! Но гром грянул. Принимаю муку обвинения и всенародного позора мою, пострадать хочу и страданием очищусь! Ведь, может быть, и очищусь, господа, а? Но услышьте, однако, в последний раз: в крови отца моего не повинен! Принимаю казнь не за то, что убил его, а за то, что хотел убить и, может быть, в самом деле убил бы... Но все-таки я намерен с вами бороться и это вам возвещаю. Буду бороться с вами до последнего конца, а там решит Бог».

Естественным образом, полицейские не спешили верить объяснениям И. Ти., что это просто один из его бездельников-студентов пытался надуть его, выдав за свое сочинение отрывок из «Братьев Карамазовых». Два детектива были отряжены в городскую библиотеку, с тем чтобы проверить существование книги с таким названием. Из этой истории вышел целый конфуз, потому что детективы сообщили из библиотеки по рации, что не обнаружили в каталоге такого названия, и просили уточнить, в каком именно разделе следует искать («тайные общества», «цирковые артисты?»), а также спрашивали, не являются ли братья Карамазовы соавторами книги. Позвонили и в Библиотеку Конгресса, и в библиотеку штата, и только после этого И. Ти. оставили в покое. Копию сочинения подшили в дело (на всякий случай), и как-то вдруг поползли слухи, что некий Дмитрий Карамазов пытался убить Колдбурна медным пестиком.

К вечеру наша полиция разобралась с основными фактами этого запутанного дела. На место преступления была отправлена патрульная машина. К немалому удивлению И. Ти., Колдбурн все еще отчаянно цеплялся за жизнь. Его доставили в местную больницу в состоянии комы без надежды на то, что он выживет. Его жену срочно вызвали в больницу из салона красоты, а президент колледжа немедленно распорядился провести в церковке при колледже специальную службу на следующий же день.

После того как два детектива закончили допрос И. Ти., он попросил о личной встрече с шефом полиции, Илайей Петерсоном. Шеф только что вернулся из рейда в массажный салон, известный

как «Холмы удовольствия» (впоследствии переименованный), и приглаживал волосы перед зеркалом, когда ввели И. Ти.

— Итак, вы — профессор Пух? Я слышал о молнии. Вам очень повезло, что вы остались живы.

— Да, сэр, конечно, меня до сих пор трясет. Я хотел поговорить с вами потому, что... Я знаю, вы сочтете, что это безумие, но я думаю, что все в городе должны быть поосторожнее ...

— С чего бы это? — спросил шеф полиции, водружая ноги на стол, откидываясь на спинку кресла и вгрызаясь в большое красное яблоко.

— Это странно звучит, но я думаю, что молния — дело рук Воланда.

— Да что вы говорите? — Шеф сдвинул широкие брови, изображая озабоченность, и продолжил грызть яблоко.

— Именно так, сэр. И я не склонен считать, что это первый раз грянул этот Воланд.

— Вы считаете, что мы должны дело завести? Арестовать за попытку убийства молнией?

— Нет, сэр, я не имел в виду, что вы должны составлять протокол. Я просто думаю, что все жители Скотопригоньевска должны быть предупреждены. Через гражданскую оборону или еще каким-то образом.

— Неплохая мысль. Не волнуйтесь, профессор Пух, мы разошлем обращения всем жителям с призывом проявлять особую осторожность на случай удара молнии, падающих звезд, землетрясений и прочего. Просто отправляйтесь назад, к вашим книгам и высокопарным идеям.

И. Ти., все еще слишком взбудораженный близкой встречей со смертью, принял эти слова за чистую монету.

— Сэр, — добавил он застенчиво, — я опаздываю на важное заседание в колледже. Не будете ли вы так любезны вызвать мне такси?

— Такси?!

Через пятнадцать минут три полицейские машины с мигалками и сиренами подкатили к корпусу Гримма, где только что завершилось первое совещание по поводу дальнейшего преподавания Мармеладова в колледже.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Слава петухам!

Известие о несчастье с Колдбурном еще не дошло до коллег И. Ти., в то время как они совещались. С другой стороны, слух об аресте И. Ти. за приставание к юной Китти Келли распространился, как лесной пожар, и учитывая обстоятельства, коллеги решили голосовать без него. Теперь они потягивали вино, занятые светской беседой на обычные академические темы: деньги для поездок, гранты, продвижение в академических кругах и грозящее замораживание прибавки к зарплате. Жена Hörnerträger'a Хельвина (чешка, которая преподавала французский с очаровательным славянским акцентом) и известный лингвист Уилард Салли (известный как Десять Галлонов не столько из-за своей великолепной ковбойской шляпы, сколько из-за невероятных историй о своей удали и сексуальной одаренности) рано покинули собрание, сославшись на дела. Helmut Hörnerträger, Жан-Жак Калин (француз, который преподавал латынь и тайные учения), фрау Фрейлин (чье странное имя я объясню чуть позже), Альфонсо Пристойле (прославленный профессор ирландского и португальского языков из Корка), Тфуттинутти (профессор, преподаватель итальянского) и Хенрик Икота (инструктор японского из Польши) — все кинулись к окну посмотреть, что вызвало такой переполох. Только Ханс Сандерсон, потомок норвежских цыган, который преподавал язык знаков, с нордическим спокойствием потянулся за очередной порцией сырных сухариков.

— Должно быть, приехали опросить свидетелей, — высказал предположение Hörnerträger, теребя свой лошадиный подбородок. Все пятеро уставились на полицейские машины, и каждый пытался припомнить что-нибудь подозрительное в поведении И. Ти.

— Боже мой, они привезли его! — изумленно сказала фрау Фрейлин, глядя сверху, как две белые шляпы помогают вылезти лысине и препровождают оную к дверям. Обладатель лысины, казалось, пытался застегнуть ширинку. Почувствовав внезапную дурноту, фрау Фрейлин опустилась на стул.

— Я знала, что он извращенец, я знала! И вот, посмотрите, до чего все дошло! О боже!

Вот тут я должен кое-что объяснить. Фрау Фрейлин преподает немецкий язык в нашем колледже уже почти двадцать лет. В свое время она выступила в роли вербовщика, чтобы заманить Hörnerträger'a в наш колледж. Сначала она устанавливала с ним деловые контакты во время конференции в гостиничном номере на Западном Побережье, а позднее — на вечеринке по поводу его прибытия к нам в Скотопригоньевск. Она давно уже не жила с мужем, но продолжала занимать его роскошный дом недалеко от Южного Болота. Кожа у нее была не нежнее вытертой замши. К тому же она умела ловко скрывать гусиную кожу декольте цветными шарфами. Стильные жакеты в стиле «деним» и небольшой, хотя и глубокий шрам на левой щеке дополняли общее приятное впечатление. Когда она была назначена директором по женским вопросам, она сделала первое жесткое политическое заявление, сменив фамилию с Панталоне на Фрейлин, откуда и пошла традиция именовать ее фрау Фрейлин (прежде фрау Панталоне).

Чтобы успокоиться, она закурила сигарету. Как раз в это время открылась дверь и вошел И. Ти. в сопровождении двух полицейских.

— Вы ведь еще не голосовали? — спросил он, потирая руки и подходя ближе к коллегам.

— Убирайтесь от меня! — завизжала фрау Фрейлин, вскакивая на ноги и отступая к окну. — Вы шовинист и извращенец!

Hörnerträger попытался ее успокоить, но она только стряхнула его руку со своего плеча и прошипела: «Не сейчас!»

Пристойлае взялся изложить И. Ти. последние события:

— Результаты — семь, один и один. — Потом добавил: — У вас ширинка растегнута.

— Семь за или против Мармеладова?

— Против.

— Это очень плохо.

— У нас не было выбора, И. Ти. После того, что рассказали Хельга и Хельвина, все стало очевидно. Такому человеку нет места на нашем отделении.

— А его статьи, книга?

— Статьи?! Да какие статьи? Ни одна из них не была опубликована! Послушайте лучше, что узнали Хельвина и Хельга!

— Мы не можем ждать! Воланд уже здесь! Мы должны переголосовать! — И. Ти., казалось, впадал в буйство.

— Он нецензурно выражался, — громким шепотом произнес Пристойле, отчетливо выговаривая каждый звук, стараясь, чтобы И. Ти. его понял.

И. Ти. смутился.

— Нецензурная брань на занятиях! — снова зашептал Пристойле. Каждый слог в его устах звучал как приговор.

— Это было только предварительное голосование, И. Ти., — вмешался Hörnerträger. — Но когда вы узнаете факты, вы поймете, что ситуация безнадежна.

И. Ти. посмотрел на фрау Фрейлин, которая повернулась к нему спиной, неподвижно уставилась в окно и затягивалась Marlboro для успокоения. Говорить с ней было бесполезно.

— А где Хельвина? — спросил И. Ти.

— Она и Десять Галлонов недавно ушли, — ответил доктор Сандерсон.

И. Ти. не терял времени. Он быстро выскользнул в коридор и бросился к лифту. Как обычно, он побежал не в ту сторону, хотя и пользовался этим лифтом по меньшей мере два раза в день. Чтобы попасть наконец к лифту, ему пришлось сделать почти полный круг по коридору. Двое полицейских, почтительно отсалютовав, уже раньше покинули собрание и теперь стояли наготове у дверей лифта. Вскоре И. Ти. оказался на ночной улице и побежал к корпусу Канта, пытаясь на бегу застегнуть молнию на брюках.

К несчастью, никто не ответил, когда И. Ти. постучал в дверь офиса Салли. Он решил поискать Десять Галлонов в другом месте.

Но, выходя из корпуса, он заметил велосипед Салли, из чего и сделал заключение, что тот должен быть где-то в здании и следует поискать еще. На сей раз И. Ти. поднимался по лестнице очень медленно, останавливаясь, чтобы смахнуть пот с бровей. Идя по коридору, И. Ти. услышал из кабинета Салли звуки, весьма напоминающие мышинный писк. «Летучая мышь, должно быть», — подумал И. Ти., подходя ближе. Прежде, чем он подошел к двери, писк прекратился. Когда И. Ти. неуверенно поднял руку, чтобы постучать, из-под двери вдруг показалась полоса света. И. Ти. инстинктивно отпрянул и немедленно ретировался бы, но не успел: дверь распахнулась, и из нее выпорхнула женская фигура.

Когда женщина заметила прячущегося в темноте И. Ти., она вцепилась в свою небрежно застегнутую на груди блузку леопардовой расцветки и в ужасе присела, очевидно опасаясь, что И. Ти. набросится на нее. И. Ти. поднял руки, чтобы показать, что бояться нечего, но бесполезно — женщина разразилась диким криком, многократно подхваченным эхом: «Маньяк! Убирайся вон! Спасите!» Только теперь, на пороге самого ада, И. Ти. понял, что перед ним Хельвина.

Внезапно свет из распахнутой двери залил коридор, и на сцене появился Десять Галлонов, одетый только в ковбойскую шляпу да нижнее белье. Когда он увидел И. Ти., рот его сам собой распахнулся, обнажая два сломанных передних зуба (он утверждал, что ему сломали их в отчаянной драке, а от его жены я узнал, что на самом деле драка была с электрической зубной щеткой).

— Что здесь творится? Вы что, подслушиваете?

— Нет, Уилл, я...

— Похотливый соглядатай! Только этого нам не хватало! — жалобно выкрикнула Хельвина и убежала, раздраженно стуча каблуками. И. Ти. собрался было пойти за ней, но Десять Галлонов поймал его за рукав и потащил в свой офис, где насильно усадил на стул. И. Ти. слышал удаляющиеся шаги Хельвины по коридору и дальше, вниз по лестнице. Все еще в подштанниках, Десять Галлонов оседлал стул напротив И. Ти. и надвинул ковбойскую шляпу на самые брови. Он уставился на И. Ти. из-под полей шляпы упрекающим

взглядом, дающим понять: «Пожалуй, вы должны кое-что объяснить». Над его головой на стене висел плакат, изображающий велосипедиста, едущего по краю Гранд Каньона на восходе солнца. Или, может быть, на закате.

— Уилл, поверьте, я не подслушивал, — горячо заговорил И. Ти. Десять Галлонов продолжал неумолимо смотреть на него. — Честно, Уилл, я искал вас и Хельвину, чтоб предупредить о Воланде.

— Как в тот раз... со студенткой?

— Уилл, я никогда не верил ее версии... Думаю, вполне объяснимо, что человеку захотелось снять рубашку или... или...

— Брюки, И. Ти.?

— Или расстегнуть пояс на брюках в жаркий летний день.

— А как насчет холодного зимнего дня, И. Ти.? Когда у вас яйца звенят, как колокола Святой Мэри?

— Возможно, зимой тоже. И я не знаю, что там с вашими яйцами. То есть тогда было лето. Почему вы меня вообще допрашиваете? Я никогда не верил, что вы можете быть замешаны в каких-то грязных фокусах. Я защищал вас! — И. Ти. потирал руки с видом опоздавшего ученика.

— Да нет, я так. Не берите в голову. Просто забудьте об этом, И. Ти.

— Я проходил мимо совершенно случайно в тот момент, когда студентка вырвалась из вашего кабинета. Потом я помог вас оправдать.

— Да бросьте, — пробормотал Десять Галлонов.

Воцарилось молчание, продлившееся целую минуту. Десять Галлонов сдвинул шляпу с бровей на затылок.

— Кто такой Воланд?

— Он... — И. Ти. придвинулся ближе. — Он часть той силы, которая вечно хочет зла и вечно совершает благо.

Они молча вперились друг в друга. Безмолвный поединок взглядов продолжался, наверное, еще минуту. Наконец Салли посмотрел на пол и надвинул шляпу так низко, что из-под нее стали видны только блеснувшие в усмешке сломанные передние зубы. Он заговорил:

— Вы говорите о Демократической партии?

— Уилл, боюсь, что будет плач и скрежет зубов за то, что сделали с Мармеладовым!

— И. Ти., вы слышали эту ерунду, что он говорит о своей книге? Что-то о величайшем открытии в истории западной цивилизации. Пришествие Ильи-пророка в огненной колеснице. Этот человек чокнутый. Религиозный фанатик.

— Вы читали рукопись? — спросил И. Ти.

— Нет. А вы?

— Нет еще, но я не собирался голосовать против него.

Оба уставились на пол. Наконец Десять Галлонов нарушил молчание:

— И. Ти., вы бы прислушались к тому, что рассказывали о нем Хельвина и Хельга. Он сам рубит сук, на котором сидит.

— Да что вы говорите? И как это? Пытался соблазнить чужую жену или свою студентку? — поинтересовался И. Ти.

— Вы что, на меня намекаете? Вы на что намекаете? Убирайтесь вон из моего офиса! — распалился Салли.

В этот момент И. Ти. услышал на лестнице шаги, а потом и пулеметную очередь болтовни Хельвины. Десять Галлонов быстро скользнул в свои джинсы и сапоги. И. Ти. шагнул в коридор и увидел Хельвину в сопровождении двух охранниц. Это были дюжие дамы. Пистолеты в кобурах покачивались на их широких, тяжелых бедрах.

— Доктор Пух? На вас поступила жалоба. Вы должны проследовать за нами.

В течение нескольких минут И. Ти. снова был заключен в наручники и увезен в полицейский участок. Сирены отчаянно выли, красный и голубой свет мигалок чертил небо. Кортёж из трех студентов на велосипедах следовал за машиной, в которой увозили И. Ти. Студенты махали И. Ти. через стекло машины на каждом светофоре. По кампусу в течение нескольких минут распространился слух, что И. Ти. бежал из тюрьмы и был снова водворен туда полицией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru